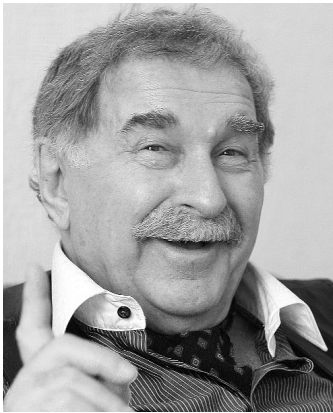

ГОСТЬ «СВ»

Хохмачи – люди легкие

Народный артист СССР Геннадий Овсянников любит пошутить. Даже над собственной фамилией, мол, она у него – лошадиная.

Хотя он действительно всегда пахал – как лошадь. С 1957 года – в белорусском Национальном театре им. Янки Купалы. Один театр. Одна жена. И, кажется, одна киностудия – «Беларусьфильм». Настолько самоубытный национальный актер, что режиссеры, возможно, попросту не знали, как использовать этот талант не в белорусском материале.

Мы давно дружим, но почти-точно обращаемся друг к другу по имени-отчеству.

– Давай, Геннадий Степанович, начнем с твоей родословной...

– Родился в Могилеве. Отца не помню, он рано умер. Мать быстро вышла замуж вновь и отдала меня на воспитание тетке, потом я видел ее всего три раза. Тетя Марфа Гавриловна Цибульская, сельская учительница, меня и вырастила. Так что кровей я незначенитых, зато учительская среда рано начала пичкать меня книжками – огромное ей спасибо. До сих пор единственное хобби – почитать. На мне род Овсянниковых заканчивается. Наследников нет.

– Что-то мы грустно с тобой начали. Кто тебя не знает, не подумает, что ты – прежде всего актер комедийный, хохмач и сказитель веселых баск, сказоч-

ник на радио, хитроватый деревенский дед в кино. Впечатление такое, что вне юмора ты и не существуешь, это твое естественное состояние или дань профессии?

– Я по жизни весельчак. Мне так жить легче, хотя с годами становилось грустнее. Да и коление, как прежде, отколоть уже не могу. Профессия все больше вглубь уходит, в мозги.

– По-моему, ты цирк любишь. Есть ли что-то общее у театрального комика и клоуна?

– Помню, были такие белорусские циркачи братья Воронкеице – человек пять. Они перекидывали чутуны и ловили их на ухват. Так вот я часами мог смотреть на них. У меня так, как ни старался, не получалось. Мне проще поговорить, а в цирке есть великая достоверность. Там работать надо и всегда быть в тонусе.

Думаю, что клоуны – люди очень серьезные. Вспомните Юрия Никулина, Олега Попова... Мы же, комики – хохмачи. Мы наивные и легкие. Чаше смеемся над собой. Выйти и на цирковую арену, и сыграть в кино мог только Юрий Никулин.

Что-то от цирковых клоунов было и в Ролане Быкове, и в Евгении Леонове, даже в Фаине Раневской. Мои кумиры – Грибов, Жаров, Мартинсон, Яншин. Из наших белорусских – Глеб Павлович Глебов или витебский актер Александр Константинович Ильинский. У этих людей гигантский выброс смеховой энергии.

– Знаю про твою любовь к Чехову. Тебе посчастливилось сыграть в «Свадьбе», поставленной в купальском театре московской командой. Спектакль объехал Россию и Францию. Тебе все пели дифирамбы за 15-минутный выход в роли Ревунова-Караулова. А это персонаж трагикомический.

– Вот-вот, наиграться так и не успел. Стоит вспомнить споры Станиславского и Чехова о том, почему писатель упорно называл свои пьесы комедиями. У него нет ни клоунов, ни комиков, зато присутствует нечто другое – философия. Я вот мечтаю сыграть Фирса. Но не ставят «Вишневого сада». А в «Чайку» меня не пригласили. А хотелось бы попробовать взять еще одну высоту с моего нынешнего понимания чеховского и комического.

– Веселые артисты всегда производят впечатление счастливых людей.

– Я и есть счастливый. Учился у лучших педагогов. Работал в лучшем театре страны. Последним устоился знания народного артиста СССР в 1991 году. После меня его никому не давали. Жена Нина Владимировна, с которой мы вместе более 30 лет, слава Богу, не из центральной среды. Встретил свое-

го драматурга и своего режиссера. Играл во всех пьесах Андрея Макаенка. Работал в большинстве спектаклей Валерия Расвского. Друзьями не обделен. Врагов нет.

– Смотришь ли работы коллег в других театрах?

– У себя в театре все смотрю. У других иногда. Бывает, правда, что не досиживаю до конца. Потому что мне не интересно смотреть на то, что и сам умею. Не люблю, когда о чувствах рассказывают или все показывают. В искусстве должна быть загадка, чтобы зритель сомневался и мучился. Образец на всю жизнь – московский спектакль «Господа Головлевы» со Смоктуновским в главной роли. Спектакль шел больше трех часов, а мне казалось – минуты. Испытал потрясение. Или «Дальше тишина» с Раневской и Плятым.

– А ты смог бы сыграть такую любовь, как в спектакле у этой пожилой пары? Вообще приходилось ли играть любовь мужчины и женщины?

– Такую, как у Шекспира? Нет, конечно. Не довелось. В партнерстве с Галиной Макаровой много играли семейных пар. Сейчас вот партнерствуем с Тамарой Мироновой. Но это любовь устоявшаяся, что ли, бытовая, сельская, без признаний и монологов о чувствах, со взрослыми детьми. Боюсь, мне не поверят, если начну всерьез в любви объясняться. Сцена проявляет человеческую суть. А я на сцене с молодых лет пожилых играю. Помните, Анна Ахматова писала: «Некрасиво, когда пожилой человек познает таинство любви». Хотя в натуре я совсем еще даже нестарый.

– Что тебе интересно за пределами профессии актера? Машины? Дача? Поездки за границу? Алкоголь? Женщины?

– Никогда не привлекали машины и дачи. Денегные накопления долго не задерживаются. За рубеж ездил только на гастроли с театром. Вдали от дома уже на третий день начинаю томиться. Отдыхать там не умею. Не обращаю внимания на пафос – но что мне Испания и Египты?! А вот два последних вопроса вызывают радостные воспоминания. Это согревает.

– Напоследок не могу не спросить об учениках. У такого самобытного актера должны быть последователи. Педагогикой не пробовал заниматься, ты ведь знаешь профессию изнутри? Вспоминаешь, как в молодости, стоя у кулисы, наблюдал за купальскими мастерами?

– Мои педагоги, царство им небесное, дали мне столько, что, боюсь, не смогу передать другим и половину. Я никогда не взберусь на плечи своих учителей. И пытаться не стоит. К тому же нынешняя молодежь, увы, за мастерами не наблюдает. Так что насчет учеников не знаю, а вот последователи есть. Меня весь театр копирует. Даже женщины. Правда, мало у кого хорошо получается. Непросто понять другого человека и устроиться на его место.

Как-то пытались меня заткнуть преподавать в Университете культуры. Но я очень скоро понял, что педагогика – адова мука. И сбегал. Так что учить не умею. А вот учиться все еще люблю.

Татьяна ОРЛОВА

КНИЖНЫЙ РАЗВЛ

Вахтанговские книжные представления

В знаменитом фойе Театра имени Е.Вахтангова были представлены книги издательства «Театралис» «Римас Туминас. Московские спектакли» Дмитрия Трубочкина и «Мое горькое, горькое счастье» Людмилы Макасовой.

Это, похоже, стало традицией – ровно год назад здесь были представлены «Вахтанговские легенды» Галины Коноваловой и «В саду Римаса Туминаса» Гражины Байкштите. Новую презентацию вел директор Вахтанговского театра Кирилл Крок, на ней присутствовали авторы, герои и издатели книг, а также актеры и режиссеры Вахтанговского театра, журналисты.

Известный театральный критик Дмитрий Трубочкин в книге «Римас Туминас. Московские спектакли» проанализировал московский период творчества режиссера, начиная со-

спектакля «Играем Шиллера» в Театре «Современник» (2000) и заканчивая «Улыбнись нам, Господи» в Театре имени Евг.

Туминас из тех режиссеров, кто последовательно строит театр-дом, главным на сцене он считает человека и его судьбу

Вахтангова (2014). «Римас Туминас – один из крупнейших театральных режиссеров современности, – сказал автор на презентации книги. – Вы видите, с каким интересом относятся к нему пресса и телевидение. Недоставало только научного

исследования его творчества. Мне и хотелось охарактеризовать режиссера через спектакли, разобраться, почему они внушают такое доверие зрителю. Дать, так сказать, научный взгляд – «без гнева и пристрастия». Туминас из тех режиссеров, кто последовательно строит театр-дом, главным на сцене он считает человека и его судьбу».

В книге 11 глав – по числу спектаклей, выпущенных Туминасом на московских подмостках. Главы расположены по хронологии, их можно читать по отдельности и в любом порядке. «Однако облик режиссера и процесс его развития будет

очевиден только после прочтения всей книги», – сказал автор. В книге – пять приложений, в которых читатели смогут сопоставить тексты пьес, по которым поставлены спектакли, со сценическими разработками Туминаса. В последнем приложении представлена редакция самого громкого вахтанговского спектакля последних лет – «Евгения Онегина» – «от Туминаса».

Книга народной артистки России Людмилы Макасовой «Мое горькое, горькое счастье» написана в жанре мемуаров, хотя автор от жанра открещивается – «это не мемуары, это рассказы о людях, с которыми мне довелось общаться и работать». Актриса рассказывает о своих сценических образах, о работе с такими режиссерами, как Петр Фоменко, Роман Виктюк, Римас Туминас, вспоминает, как снималась в кино.

«Все это написано легко: память ведет руку, само собой, к месту и ярко, ложится слово, – говорит в предисловии искусствовед Инна Соловьева. – Так должны уметь писать все, но кто же так сейчас умест. Это утрачено, а если еще встречается, то удивляешься. Написано живо. Видно, слышно, ощути-мо на ошупь, уловим вкус и запах».

В книге представлены фото театральных костюмов Людмилы Макасовой и реквизита ее спектаклей. В главе под заголовком «Обратная точка» опубликованы статьи, посвященные творчеству актрисы, в трудовой книжке которой всего одна запись – Вахтанговский театр. Среди авторов статей – Михаил Ульянов, Виталий Вульф, Роман Виктюк, Мария Максакова, дочь актрисы.

Вера ДЕМИДОВА

ТЕАТР

Сказка рождественской ночи

В «Новой опере» состоялась мировая премьера «Щелкунчик. Опера» на музыку балета П.И. Чайковского.

Старинный городок, полный предновогоднего очарования. В окнах домов сияют нарядные елки, видны роскошно накрытые столы, а на улице под хлопьями падающего снега носятся стайки детей, вышагивают взрослые горожане. И вдали в забавном предводительстве дядьки угадывается фигура волшебника Дросельмейера (Андрей Бреус) – именно так начинается опера «Щелкунчик» постановщиков

Аллы Сигаловой и Павла Каплевича в сценографии Николая Симонова в «Новой опере». И, надо сказать, когда зритель слышит пение Дросельмейера, а потом и хор детей на мотив знаменитого «Марша оловянных солдатиков», он легко переключается с балетных ожиданий на оперные реалии.

И следующая сцена – в зале дома советника Шгальбаума с торжественными парадными

лестницами и огромными часами – воспринимается вполне по оперным канонам. Дросельмейер раздает детям яркие игрушки, и только Маша (Виктория Шевцова) выбирает необычную куклу – деревянного Щелкунчика. Дросельмейер в опере становится одним из главных действующих лиц, и он не столько добрый крестный Маши, как в сказке Гофмана, сколько inferнальный распорядитель волшебной ночи, которую предстоит пережить девочке.

Авторы признавались, что им непросто было взяться за постановку оперы, ведь балетный

спектакль создавал легендарный хореограф Мариус Петипа, то есть все сцены были детально проработаны и ориентированы на балет. Но в то же время идея сделать из партитуры балета оперу «Щелкунчик» буквально лежала на поверхности.

– Все связано с этой музыкой, – говорит один из постановщиков спектакля Алла Сигалова, – детство, родной Санкт-Петербург, запах кулис, сцена Мариинского театра, ожидание новогодних чудес – все это для меня магическое, маяющее.

Тем не менее создатели спектакля перераспределили действие между первым и вторым актами – в балете все события совершаются в первом акте, а второй, по сути, состоит из концертных номеров. По словам автора музыкальной редакции Игоря Кадомцева, «несколько номеров было перенесено из второго акта в первый, и в связи с этим сделаны сокращения». Раскрытая оперный потенциал сочинения, Кадомцев вместе с музыкальным руководителем спектакля Дмитрием Юровским использовали математический подход. К партитуре Чайковского прибавлялась вокальная партия, порой на музыку из других произведений композитора, по возможности сохранялась авторская оркестровка. Вновь сочиненной оказалась

лишь ария Мышиного Короля. Впрочем, все эти секреты – для специалистов, а зрители оценили затейливые декорации, елку из алых шаров, изысканные костюмы, особенно детские. А главное – они оценили компьютерную графику «сна Маши», в котором храбрый Щелкунчик (Алексей Неклюдов, Сергей Сатаров), превратившись в прекрасного принца, с ее помощью победил Мышиного Короля. Оценили танцы кукол, особенно арабской (Александра Саульская-Шулятьева), в великолепных костюмах, и, конечно, финальную сцену, на которую выпало множество детей-хористов. Настоящий утренник. Родители оценили динамичность и непродолжительность действия, конечно, привели на сказку-оперу своих малышей. Поэтические тексты для арий, написанные поэт Демьяном Кудрявцевым, порой забавны, но в основном соответствуют атмосфере самой волшебной сказки детства. Либретто написано Аллой Сигаловой. Балетных сцен в опере не обнаружите, несмотря на то что Сигалова – хореограф. Постановка приурочена к 175-летию со дня рождения П.И. Чайковского – юбилей станет одной из главных музыкальных дат 2015 года.

Мария ТРУБИНА

ПРЕМИЯ

Под крылом «Золотого орла»

На XIII церемонии вручения премий российских киноакадемиков лучшим фильмом признан «Солнечный удар» Никиты Михалкова.

Елена Лядова и Никита Михалков

Что и говорить, интрига в этом году была закручена туго – среди номинантов на лучший фильм значились два лауреата мировых фестивалей – «Левиафан» (Канны) и «Белые ночи почтальона Трапицына» (Венеция), «Уикенд» Говорухина и «Звезда» Анны Меликян, призер «Кинотавра». В телесериальных номинациях лауреатов назвали под гулкое одобрение зала – приз за мини-сериал получил Владимир Хотиненко («Бесы»), а за сериал – Валерий Тодоровский («Оттепель»). Виктория Исакова и Евгений Цыганов, сыгравшие в этом сериале, признаны лучшими актерами на ТВ.

Что касается актерских работ, выбирать было из кого. Приз за лучшую мужскую роль второго плана, при полном одобрении зала, получил Роман Малянов («Левиафан»). Актер с таким правдоподобием создал образ очередной «бяки», как он называет своих персонажей, что заставил журналистов Канн сожалеть об отсутствии номинации за роль второго плана. Лучшей женской ролью второго плана назвали работу литовской актрисы Северии Янушаскайте в фильме «Звезда», где она сыграла даму, сумевшую вынырнуть из пропасти гламура и стать человеком. За лучшую женскую и мужскую роли в кино шла настоящая битва. Луч-

шими стали – актриса Елена Лядова («Левиафан») и Александр Збруев («Кино про Алексея»). Елена создала трагический образ женщины, неожиданно потерявшей веру в жизнь, а Збруев, конечно, убедителен в роли забытого барда. Но ощущение того, что его конкурент – Алексей Серебряков («Левиафан») в большей степени достоин победы, не оставляет.

Нина КАТАЕВА

ФОТОГРАФИИ АРТЕМ ГЕОДЖИЧАТАС

ВЫСТАВКА

Челябинский метеорит прилетел в Москву

Но пугаться не стоит: фрагмент знаменитого небесного тела – всего лишь почетный экспонат на выставке «Первозданная Россия», которая проходит в российской столице, в ЦДХ, в рамках одноименного фестиваля природы.

Где произрастает самый высокий в России пихтовый лес? Откуда у такой красивой птицы, как чомга, такое некрасивое народное прозвище – «большая поганка»? Какой зверь каждый день съедает в два раза больше, чем весит сам? Где находятся сердликовые пляжи? Даже если у вас нет возможности отправиться в путешествие от Москвы до Владивостока и увидеть все своими глазами – это не беда. На множество вопросов отвечают фотографии – участники уникальной фотовыставки в рамках фестиваля «Первозданная Россия». Фестиваль проводится Русским географическим обществом совместно с Сове-

том Федерации ФС РФ и Правительством Москвы второй раз. Организаторы не ожидали такого наплыва посетителей – фестиваль превратился в масштабный культурно-просветительский проект.

В центральной части экспозиции – цикл работ фотографа Антона Ланге «Хребты». Автор проделал путь от Черного моря до Каспийского, чтобы показать горную и величественную красоту Кавказа, которая влекла к себе поэтов и художников. До наших дней здесь сохранились участки не тронутой человеком природы (Кавказский заповедник), следы древних поселений (Чегемское ущелье), источники

чистой минеральной воды (именно здесь разливает знаменитый «Архыз»).

В какие только дали ни заносило авторов этих уникальных проектов! Они пали оленей вместе с оленеводами на Чукотке, погружались на дно морское, подобно сказочному Садко, встречались с дикими животными на острове Врангеля.

Фотограф Константин Шатенен прошел по легендарным тропам Северо-Запада России. «Я с камерой в руках побывал в разных местах нашей планеты: в Европе, Африке, Австралии, Океании и Северной Америке, но ближе сердцу родные места Ленинградской области и Карелии, куда всегда хочется вернуться, чтобы отдохнуть душой, и где возникает чувство полного единения с природой», – признается он.

Для кого-то фотография – профессия, для кого-то – хобби. Алексей Харин по образованию физик, одно время занимался бизнесом, сейчас – менеджер в крупной компании. А в свободное время берет в руки камеру. Его проект «Потерянные деревни» посвящен вымирающим, заброшенным уголкам страны.

«Почетный гость» с Урала – фрагмент напавшего на нарушителя спокойствия – челябинского метеорита. Сам метеорит «пропался» в Краеведческом музее Челябинска. Его сотрудники уверены: прикосновение к нему приносит финансовое благополучие. Но потрогать частичку на выставке не получится: она под крепким стеклянным куполом.

Татьяна КУТАРЕНКОВА

ФОТО ВЛАДИМИРА КОРОБИЦЫНА